

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, предубеждение относительно графических способов «записи» систем родства, с которого мы начинали, серьезно ничем не обосновано. Приводить в качестве аргумента тезис об идеальном характере типов, представленных четырьмя основными графами, — значит отрицать задачу типологии систем родства как таковую. Типы («фигуры») классификационных систем родства идеальны — «симметричны и транзитивны» — в значении обладания признаком общего начала, позволяющего им «вводить» друг друга в качестве понятий (по Гегелю, вещь есть то, что она есть в понятии). Поэтому их идеальность является синонимом научной абстракции, а не вымысла. Например, Б.С. Грязнов писал: «Идеальная машина Карно не существует в действительности в чистом виде без побочных обстоятельств, точно так же Полярная звезда не есть только точка. Но то, что было абстрагировано при исследовании паровой машины, присуще самой машине, а не изобретено, не вымышлено» [Грязнов 1982: 65]. Следовательно, идеальная модель изучаемого процесса не искажает реальность, а, наоборот, по Энгельсу, представляет ее «в чистом, независимом, неискаженном виде».

Явления родства, видимые нами «наяву», выступают именно в виде хаотического множества «побочных обстоятельств», подвергаемого агентами социального действия бесконечным «поправкам» в стремлении достичь некоторого идеала, равновесного состояния. Такое состояние никогда не достигается окончательно, но оно выполняет роль инварианта, абстрагируемого из реальности практической деятельностью людей по применению идеи родства как сходства — подобия, в том числе ритуализованных действий с определенным «адресом» (выяснение отношений родства наблюдением, без предварительной фиксации терминов, без использования метода вопросов и ответов — задача очень трудоемкая, но выполнимая).

К тому же со стороны «антропологии родства» непоследовательно (лучше сказать, немилосердно) вместе с отрицанием типологии систем родства тут же предлагать типологию терминологий родства. Если понятие типологии вообще применимо к явлениям

родства, то типологии поддаются только системы родства, т.е. нечто, выражаясь компьютерным языком, стоящее «за текстом». В конечном счете этнографы всегда имеют дело *не* с текстом. И в «текстах» родства можно обнаружить только тенденции, некие «бродячие сюжеты», которые сами по себе никогда не превращаются в закономерности.

Кроме того, рисование графов родства изоморфно внутренней, классификаторской точке зрения первичной формации. Предлагая графическое решение классификационных систем родства, мы фактически ссылаемся на постулат «первобытного синкретизма» теории графов и топологии¹. Если родство трактовать как некоторое топологическое пространство, то графы родства — это способ записи информации, содержащейся в пространстве родства, на внешней «поверхности» этого пространства. В то же время графы, будучи средством «покрытия», или «замощения», данной поверхности, выступают в качестве двумерного пространства, ибо для того, чтобы описать положение индивида на поверхности родства, достаточно двух параметров, двух координат, имея в виду линию происхождения и линию поколения. Другими словами, поверхность классификационного родства можно замостить только такими элементами, которые кратны двум (закон четного числа линий родства). Как указывалось выше, системы родства с нечетным числом линий неосуществимы.

Сравнительное исследование типов («топологических инвариантов») классификационного родства особенно показательно в отношении возможности редукции явлений родства, происходящих в различных этнографических пространствах к изоморфным им типическим явлениям, происходящим в графах, причем в гораздо более наглядной форме, чем это можно сделать средствами естественного языка описания элементов традиционной культуры. Универсальность извлекаемых нами графов, которые представляют

---

¹ Графы классификационных систем родства можно отнести к понятию естественных графов, свойства которых не изучались специалистами в области теории графов в силу известной изолированности этнографии от точных наук. Автору известна только одна похожая структура — граф «утолщенное дерево» Ч. Лейзерсона. По виду это граф родства, не имеющий поперечных ребер и применяющийся при описании компьютерной сети. Собственно граф родства описывает скорее родство «программ» (их «происхождение» и «брачные связи»).

четыре типа классификационного родства, обосновывается также наглядным образом. При их сравнении становится очевидной исчерпанность комбинаций элементов этими четырьмя видами фигур. Отсюда можно сделать вывод, что любая классификационная система родства описывается с помощью одного из этих графов. Вопрос состоит только в том, чтобы узнать, по какой схеме «собирать» исследуемую систему родства.

Здесь мы подходим к единственному положению, которое до сих пор объективно оправдывало крёберовский подход к исследованиям систем родства. В австралийском случае все достаточно просто, поскольку мы имеем дело с прескрипционными системами, т.е. с системами, включающими указание на предпочтительную форму брака. Но как распознать схему непрескрипционной системы родства? Безусловно, с помощью терминологии это сделать невозможно, так как по терминологии мы не можем судить о том, какие явления слияния/разграничения терминов должны считаться существенным признаком. Изучение «раскраски» графов родства в прескрипционных системах позволяет заметить достаточно твердые корреляции между терминологией и структурой родства. Первая касается разграничения систем родства на системы с симметричной и асимметричной формами брака. Для первых (системы карьера и аранда) характерно слияние, для вторых (системы карадьери и тробрианская) — различие терминов, указывающих на денотаты *mbd* и *fsrd*. Вторая касается разграничения между системами карьера и аранда, с одной стороны, и системами карадьери и тробрианской — с другой. Системы карьера и аранда различаются по числу выделяемых линий родства. Для карьера характерно наличие двух линий: FF (= ММВ) и MF (= FМВ), для аранда — четырех линий: FF и ММВ, MF и FМВ. Это означает, что на терминологическом уровне происходит соответствующее отождествление или растождествление денотатов второго восходящего поколения (в тех случаях, когда все денотаты второго восходящего поколения обозначаются одним термином, мы обращаемся к терминологии первого восходящего поколения и т.д.). Системы карадьери и тробрианская не различаются по числу линий родства, но в их терминологии должно отражаться слияние линий. В системе каридьери слиты в одну линии MF и FМВ, в тробрианской системе — линии FF и ММВ.

Таким образом, исследование любой системы родства распадается на два этапа. Сначала мы определяем, является ли данная

система классификационной или неклассификационной. Как точно заметил Рэдклифф-Браун, принцип эквивалентности сиблингов не сводится к вопросу терминологии [Radcliffe-Brown 1931: 428]. Если рассматриваемая система оказывается классификационной ($F = FB = FFBS$, $B = FBS = FFBS$, $S = BS$, или $B = MSrS$ и т.п.), мы определяем, к какому типу она относится по признаку слияния/разграничения «дифференцирующих» терминов родства. Ради эксперимента применим метод двух этапов в определении к материалам того же Крёбера, чтобы «собрать» систему родства индейцев мохаве. Составление соответствующего графа показывает, что система мохаве представляет непрескрипционный вариант типа карьера с элементами «гавайской» терминологии (денотаты «младшая сестра», «дочь брата матери» и «дочь сестры отца» обозначаются одним термином «*inya-k*») [Kroeber 1917: 340–348]. Разумеется, дело не сводится к решению подобных, довольно легких задач. Но для того чтобы приступить к изучению конкретной системы родства, надо разобраться в ее структуре.

Система родства непрерывно остается классификационной до тех пор, пока работает принцип эквивалентности сиблингов. С этой точки зрения неверно отнесение систем родства бушменов, анданцев и эскимосов к числу неклассификационных («описательных», «линейных») только по наличию в них «индивидуальных» терминов. В качестве доказательства в другой работе нами приводится схема родства бушменов кунг, которая принципиально ничем не отличается от схемы карьера [Белков 2010с: 437]. Различие между двумя системами состоит лишь в том, что система кунг непрескрипционная.

Трансформация прескрипционных систем в непрескрипционные, как и переходы от одного типа к другому внутри прескрипционных систем, основана на изменении брачных правил. При введении запрета на браки между действительными¹ родственниками система распадается на два чистых подмножества — подмножество денотатов родства и подмножество денотатов свойства. В графе

¹ Надо помнить, что в классификационных системах родства действительным родством считается всякая связь, прослеживаемая по графу родства. Для человека, живущего по законам традиционной («архаической») культуры, классификационное родство действительно (по формуле «то, что необходимо, действительно»).

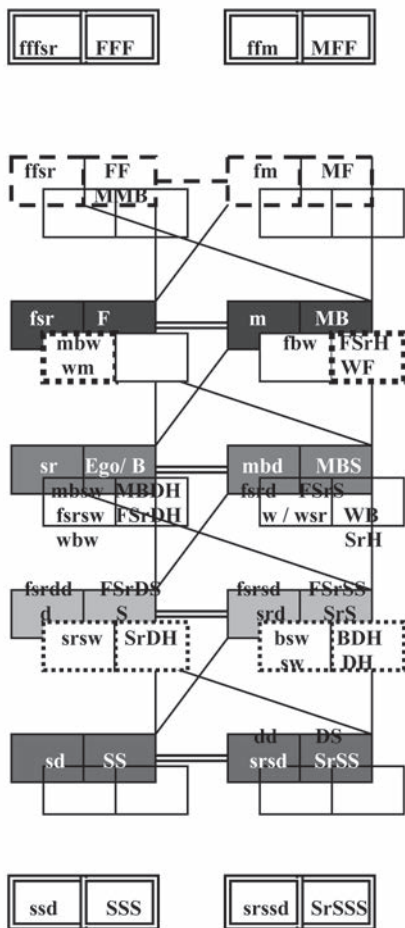

Рис. 50. Гавайская система родства

гавайской системы родства «расслаивание» некогда — в рамках исходной системы карьера — одной поверхности родства описывается наглядным образом, посредством псевдооптического приема рисования двух плоскостей так, что «отслаивающиеся» денотаты свойства ставятся перед «порождающим» денотатом родства, а именно перед тем денотатом, с которым они были объединены на прескрипционной стадии развития системы (рис. 50).

В терминах «задачи раскраски» графы непрескрипционных систем классификационного родства представляют собой неправильно «раскрашенные» графы, являясь следствием вполне сознательных операций над терминами, производимых носителями культуры. Например, перенос термина с ячейки, где находится денотат *sg*, на ячейку с денотатом *mbd* автоматически делает данный класс женщин закрытым для *Ego* с точки зрения установления брачных связей. Элементы горизонтального перемещения терминов встречаются во всех полинезийских системах родства (*NB* терминология кунг — тоже «гавайская»). Гавайская считается в этом плане эталонной благодаря тому, что на Гавайях идея отождествления лиц на линиях *FF* и *MF* (т.е. идея запрета браков между *Ego* и его *mbd* во всех возможных ипостасях) доведена до логического конца. На уровне всех поколений ячейки на стороне отца и на стороне матери «вымазаны» одной «краской».

Строго говоря, именно перенос терминов родства по горизонтали соответствует термину «генерационный скос», который в литературе закрепился за явлениями переноса терминов по вертикали (по мужским линиям: $m \rightarrow mbd$, $srd \rightarrow fsrd$) или по диагонали (по женским линиям: $d \rightarrow mbd$, $fsr \rightarrow fsrd$), прочно ассоциирующимся с системами кроу и омаха (рис. 51a, b). В эмбриональном виде этот прием мы узнаем в назывании сестры отца «женским отцом» в системе карадьери, предписывающей брак с *mbd*, но запрещающей брак с *fsrd*.

В системах кроу и омаха решалась та же задача, что и в гавайской системе (см. подробнее: [Белков 2009с: 262–264; 2010с: 422–429 и др.]), — исключение из числа брачных партнеров женщин из одного класса с дочерью брата матери (по аналогии — женщин из класса дочери сестры отца). Различие обусловлено тем, что для этих систем исходной моделью служила прескрипционная система родства типа карадьери с асимметричным кросскузенным браком. Комбинации терминов в рамках систем, по своему происхождению аналогичных системам кроу и омаха, весьма разнообразны. Но для нас более поучительно еще раз вернуться к тробрианской системе как противоположной по отношению к системе карадьери.

В целом структура тробрианской системы родства, регулирующая распределение терминов, не позволяет согласиться с выводами Малиновского, которые он принимал за объективные факты. Вновь взглянув на рис. 49, мы увидим, что перед нами непрескрип-

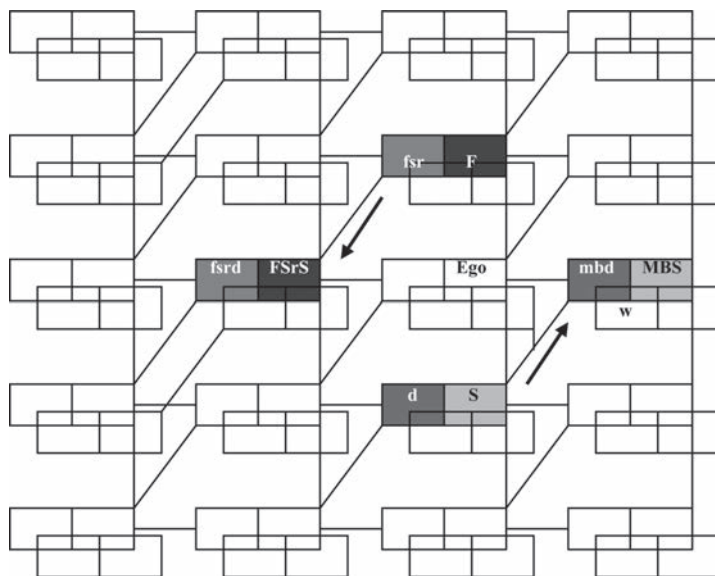

Рис. 51a. Система родства омаха

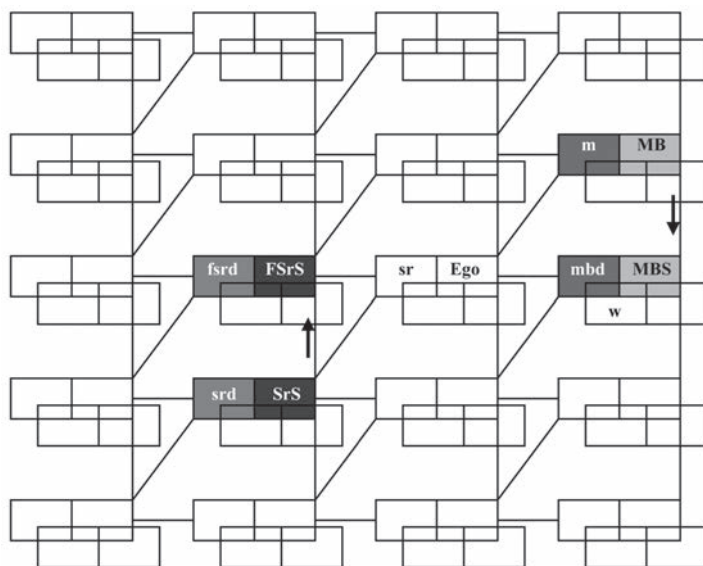

Рис. 51b. Система родства кроу

ционная система с диагональным скосом: *fsg* → *fsrd* (метод омаха) и образованием двух непересекающихся поверхностей — родства и свойства. Такое терминологическое изменение должно означать наложение запрета на брак с женщинами из класса *fsrd*.

Между тем из комментариев Малиновского явствует, что, согласно теории, господствующей в традиционном тробрианском обществе, не только дочь сестры отца, но и ее мать, сестра отца, рассматривается в качестве желательного сексуального партнера для *Ego*. Это якобы даже выражается в «нравственной» максиме: «Очень хорошо, когда юноша вступает в половую связь с сестрой своего отца» [Malinowski 1932: 450]. Правда, Малиновский тут же отмечает, что представление о престижности сексуальных отношений между женщиной и сестрой его отца имеет важное значение «теоретически, символически и вербально», но в жизни никогда не реализуется, не говоря уже о браке между ними [Malinowski 1932: 450–451]. Похоже, что Малиновский в своем стремлении вникать в мельчайшие подробности отношений между полами, вероятно, незаметно для самого себя переключился на собирание обыкновенных сплетен. Надо сказать, и в традиционной Австралии любовные истории между «зятем» и «тещей» (в системе карьера в роли «тещи» выступает именно сестра отца) являлись излюбленной темой для разговоров на стоянке.

Несколько сложнее, не обладая возможностью перепроверить данные Малиновского, опровергнуть его категорическое утверждение о том, что тробрианская традиция в качестве сексуального и брачного партнера отдает предпочтение именно дочери сестры отца [Malinowski 1932: 451]. Как кажется, это делает сам Малиновский: «Этот термин (*tabugu* — *fsg*, *fsrd*. — П.Б.), однако, скоро распространяется на других девушек, принадлежащих к тому же субклану или клану. В конечном итоге за счет распространения [смысла этого термина], которое выходит из обычных рамок классификаторской терминологии, данный термин становится синонимом “всех женщин не из клана сестры”» [Malinowski 1932: 451]. Статистически это может означать, что у дочери сестры отца шансы стать женой *Ego* практически отсутствуют. Мнение же тробрианцев, передаваемое Малиновским, о том, что дочь сестры отца должна быть первой, с кем повзрослевший мальчик обязан вступить в половую связь, вероятно, тоже относится к «теории», питающейся недавним для этой системы прошлым, когда подобная форма брака была нор-

мой. В науке такого рода теории называются спасательными, т.е. оправдывающими факты, которые не может объяснить действующая теория. Рассуждения тробрианцев о «полезности» брака с дочерью сестры отца есть не что иное, как уловка, предназначенная для оправдания того, что в их собственных глазах было нарушением. Здесь уместно умозаключение с помощью этнографических аналогий. Например, в Австралии в системе родства аранда, формально запрещающей браки с дочерью брата матери и/или дочери сестры отца, они относятся к разряду альтернативных, т.е. не предпочтительных, но разрешенных традицией, браков.

Метод табуляции систем родства, предполагающий движение мысли от системы (структуры) родства к терминам родства, дает результаты, существенно отличающиеся от тех, что мы привыкли находить в работах, основанных на методе Крёбера, причем не только в частных случаях. Существующие типологии терминологий родства имеют очень мало общего с реальностью. Во-первых, терминологии родства не подчиняются какой-либо классификации ни по наличию/отсутствию, ни по видоизменению признака, поскольку вообще не удастся выяснить, на какой признак эти типологии указывают. Во-вторых, описание различных систем родства на языке графов показывает, что число и распределение терминов родства определяются системами родства, но на их структуру не оказывают никакого влияния. Сравним системы родства карадьери, йир-йоронт и мурнгин: 13 терминов карадьери при наличии ячеек для 40 денотатов, 19 терминов йир-йоронт при наличии ячеек для 60 денотатов, 28 терминов мурнгин при наличии ячеек для 90 денотатов (146 при учете 9 поколений). Сравним также системы родства кариера и гавайцев. Различие в комбинаторике терминов («раскраске») отношений родства носит такой же абсолютный характер, как и сходство структур родства. Гавайская терминология действительно не могла возникнуть раньше терминологии кариера, но логически более позднее происхождение первой обусловлено, опять-таки, видоизменением одного из признаков системы, а не терминологии (теоретически число терминов можно сократить до нуля).

В плане эволюционных построений теория графов родства утверждает, что любые попытки найти систему родства более простую, чем система кариера, обречены на провал (то, что система типа кариера самая простая, является наблюдаемым фактом). Система «протокариера» противоречила бы самому понятию родства,

определяемому с помощью парадигмы «линии и поколения». «Упростить» граф карьера (допустим, его неориентированного «двойника») можно только за счет свойства связности. Это делается двумя способами. 1) Мы убираем все ребра, превращая граф карьера во вполне несвязный граф (граф «промискуитет»), соответствующий теории «одного племени». 2) Мы убираем только поперечные (горизонтальные) ребра, так что линии FF и MF образуют самостоятельные графы, следовательно, становятся по отношению друг к другу двумя одинаковыми линиями — $FF = MF$ и $FF = MF$ (граф «кровнородственная семья»), соответствующими теории «двух племен». Смысл ребер графов родства — не только в символизации связей. На языке графов родства ребра, подобно «распоркам», удерживают точки-денотаты, лежащие на линиях происхождения и поколений (и тем их создающие), от стяжения в одну точку, «неразличения», т.е. от «инцеста» («одноместности», или «местосмещения»)¹.

Поскольку систему родства более простую, чем система карьера, просто невозможно нарисовать (невозможно нарисовать и семью пуналуа, или «групповой брак», в том смысле, что рисунок совпадет с графом родства карьера), это и есть доказательство ее несуществования. «Тетраидная генеалогическая схема» Н.Дж. Аллена в качестве начального этапа эволюции терминологий «дравидийского» (кариера) типа воспроизводит хрестоматийно известную диаграмму взаи-

¹ Попробуем предложить графическое решение проблемы экзогамии. Так или иначе, взаимосвязи между элементами графов поддаются формальному исчислению. Пожалуй, единственный граф, с помощью которого можно описать связи между локальными группами до момента возникновения локальной организации такой, какой мы ее знаем по этнографическим материалам, — граф «звездчатое дерево». В этом случае данный граф является графом локальных сообществ до появления вида *Homo sapiens*. Ср.: пространственная структура локальных групп, связанных с системой карьера, состоит из реликтовых подграфов (по аналогии с понятием реликтового излучения) в виде «звездчатых деревьев», но в отличие от сообществ высших приматов такие подграфы имеют вертикальную, «поколенную» структуру, существование которой обусловлена делением на устойчивые пары с детьми. На графах родства это реликтовые подграфы в виде вертикальных треугольников с вершинами F, m (S/d). Вероятно, устойчивость связей по горизонтали (парная семья) и придает системе локальных групп свойство жесткости в вертикальном направлении. Экзогамия как форма хронотопа — сочетания двух координат родства — становится простым следствием особенностей данной структуры.

мосвязи именных брачных секций в системе карьера (см.: [Аллен 1995: 33]). Между тем (к спору между Рэдклифф-Брауном и Мёрдоком) система обозначений брачных классов не предшествует системе родства, а строится на ней, являясь ее «оболочкой».

Но если мы признаем факт несуществования какой-то третьей ступени, предшествующей классификационной, развитие систем родства происходит в рамках двух стадий — от классификационных к неклассификационным системам родства (в соответствии с морганистским делением). Переход от прескрипционных систем к непрескрипционным не имеет силы эволюционного события, так же как и трансформация систем типа карьера (дравидийской) в системы трех других типов — карадьери, аранда и тробрианской — вместе с их многолинейными вариантами. Все классификационные системы родства доживают до стадии «цивилизаций», неплохо приспособившись к новым условиям, на что указывают древнеиндийская (санскритская) и древнекитайская системы родства [Белков 2010а: 62–78; Белков 2011: 254–259].

Уже из трудов Моргана можно почерпнуть, что классификационная форма родства несовместима только со становлением отношений частной собственности. В конечном счете заслуга Моргана заключается как в формулировке проблемы создания единой теории систем родства, так и во введении ее основного термина — разделения «классификационные — неклассификационные системы родства». Это есть то самое «основоположение» (по Фихте), из которого вытекают все другие положения и к которому все они возвращаются.

С точки зрения «наивной» теории графов, неклассификационные системы родства отличаются присутствием третьей координаты¹, описываемой с помощью такого объекта, как *степень родства*, который отражает свойство разграничения прямой и боковых линий с регрессом в бесконечность. Введение понятия степени родства разрешает то противоречие в определении неклассификационных систем родства, на которое мы не обратили внимания при первом подходе к проблеме формулировки сущности их отличия от классификационных систем родства. С одной стороны, мы говорили о двух степенях свободы неклассификационных систем родства по формуле «линия + поколение = локус родства», с другой — о колебательных движениях

---

¹ Если учитывать гипотетическое сравнение с тессерактом, должно быть и четвертое измерение — возраст.

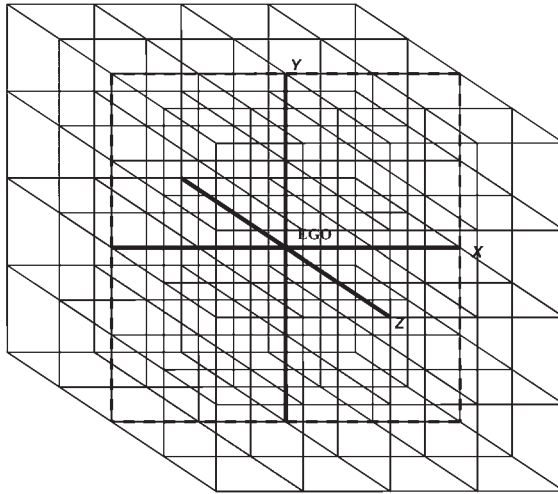

Рис. 52. Граф неклассификационной системы родства

по трем осям координат. На самом деле первая формула — это формула классификационных систем родства. Неклассификационные системы родства описываются другим уравнением: «линия + поколение + степень = локус родства». Это вытекает из графа неклассификационных систем родства, который мы рассмотрим с некоторым увеличением в «рентгеновском» излучении (рис. 52).

Поместим *Ego* в центр куба (нулевая линия — *X*, нулевое поколение — *Y*, нулевая степень — *Z*), разделенного на кубики, гранями которых являются простейшие, неразложимые отношения родства. Зададим два правила: 1) пути родства (счет родства) проходят только по граням, символизирующим связи между поколениями, между членами брачных пар и между линиями; 2) мужчина является правым членом отношения «брат — сестра» и левым — отношения «муж — жена» (в соответствующих плоскостях). Теперь проложим произвольно маршруты в графе от *Ego* к любому другому представляемому денотату. Если маршруты родства обозначить утолщенными линиями, картина будет выглядеть примерно так (рис. 53).

Нетрудно увидеть, что при прокладывании многих маршрутов приходится проходить через ребра или вершины, которые принадлежат другим маршрутам. Например, для того чтобы добраться до *MB*, необходимо проходить по той же горизонтальной линии, на которой

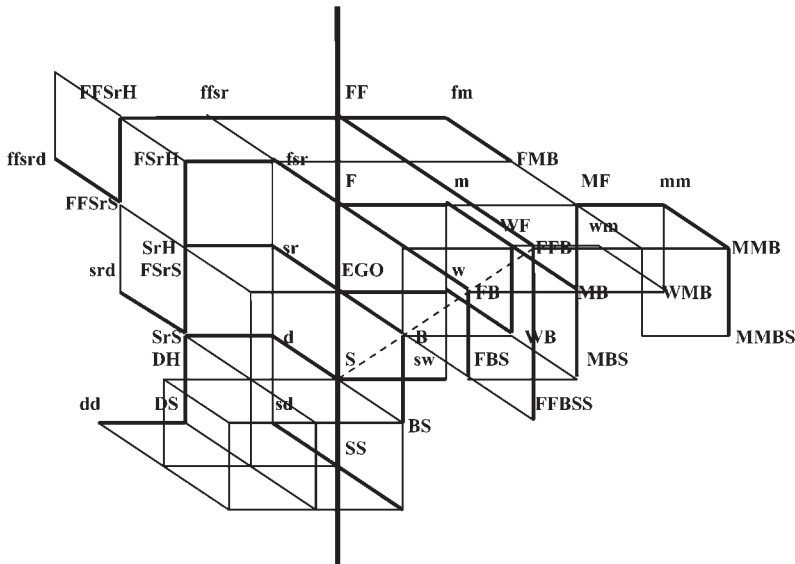

Рис. 53. Маршруты родства в неклассификационной системе

лежит WF. Или на одной вершине оказываются денотаты SrH и FSrS SrS и DH. Для классификационных систем родства подобные совпадения, когда денотаты лежат на одной линии взгляда или в одной и той же точке, являются нормой. В обоих случаях это означает, что носители таких денотатов — одно и то же лицо (в этом смысле взаиморасположение денотатов в неклассификационных системах суть остаточная «классификационность»). Но в неклассификационных системах обычай брака между двоюродными братьями и сестрами или обмен сестрами — скорее исключение, из разряда альтернативных браков (ср. французскую поговорку: «Двоюродные братцы и сестрицы — опасное соседство»). Можно сделать заключение, что при неклассификационных системах родства немаркированный граф «кристаллическая решетка» используется в роли «бланка», который заполняется не раз и навсегда, как при классификационных системах, но окказиональным образом, когда при прокладке одного маршрута в графе абстрагируются от других маршрутов. При проведении таких локальных case studies прослеживаются связи либо с братом матери, либо с отцом жены, либо с мужем сестры, либо с сыном сестры отца и т.д., исходя, как уже сказано, из того, что величина вероятно-

сти подобных сюрпризов считается близкой к нулю. Иначе говоря, все эти подграфы, будучи частями одного графа, рассматриваются как самостоятельные графы и потому формально не вступают в противоречие друг с другом. Это алгоритмический подход к родству со стороны носителей самой культуры.

Таким образом, в неклассификационных системах *Ego* придается характер «абсолютной идеи». В плоскости, в которой лежит *Ego*, находятся только он и его «предки-потомки» по прямой (что соответствует тезису об индивидуальном характере терминологии в «описательных» системах). В классификационных системах положение *Ego* относительно, поскольку число *Ego* совпадает с числом линий происхождения, т.е. в классификационных системах *Ego* занимает с ними одну общую плоскость

То что, как кажется, нам удалось найти подходящий граф неклассификационных систем родства, вселяет надежду, что при теоретико-графовом подходе станет возможным выделение особых типов неклассификационных систем родства, подобных четырем типам классификационных систем (например, английский и арабский типы). Изучая свойства этого графа (например, что означает нахождение на одной диагонали вершин S, B, FB, FFB?), можно попытаться объяснить особенности существующих терминологий в качестве «оболочек» определенных типов систем родства. Терминологии неклассификационных систем — это не просто «рисование» и «раскраска», как в классификационных системах, но скорее «разработка» и «описание» алгоритмов анализа графов существующих систем родства. Следовательно, типы неклассификационных систем родства, если они существуют, представляют собой типы решения тех или иных «задач родства».

Выходя за рамки специальной темы австралийских систем родства, мы, как кажется, автоматически отвечаем на роковой вопрос для любого работающего ученого-этнографа, — вопрос о смысле, или даже *скрытых смыслах*, проводимого исследования. Поиск, а лучше сказать, создание смыслов — это задача искусства как особой от науки формы познания. Наука должна ставить вопрос иначе, если угодно, скромнее: существует ли область приложения полученных научных результатов и, коль скоро она существует, где она может находиться? Для субдисциплины, изучающей классификационные системы родства, такой ближайшей областью, безусловно, оказываются явления неклассификационных систем родства. Веро-

ятно, менее тривиальным выглядит предположение, что наиболее общие законы классификационных систем родства могут быть сродни тем понятиям, с помощью которых описывается мифология в широком понимании этого слова. В частности, речь может идти о понятии обратной перспективе, безусловно, отражающем одно из основных топологических свойств «фигур» так называемого мифологического сознания. Например, если сравнивать классификационные и неклассификационные системы, последние представляют собой скорее конструкции, использующие прямую перспективу.

* * *

Выходя, может быть, довольно далеко за рамки специальной темы австралийских систем родства, мы, как кажется, автоматически отвечаем на роковой вопрос для любого работающего ученого-этнографа — вопрос о смысле или даже *скрытых смыслах* проводимого исследования. Поиск, а лучше сказать, создание смыслов — это задача искусства как особой формы познания. Наука должна ставить вопрос иначе, если угодно, скромнее: существует ли область приложения полученных научных результатов и, коль скоро она существует, где она может находиться? Для субдисциплины, изучающей классификационные системы родства, такой ближайшей областью, безусловно, оказываются явления неклассификационных систем родства. Вероятно, менее тривиальным выглядит предположение, что наиболее общие законы классификационных систем родства могут быть сродни тем понятиям, с помощью которых описывается мифология в широком понимании этого слова. В частности, речь может идти о понятии обратной перспективы, безусловно, отражающем одно из основных топологических свойств «фигур» так называемого мифологического сознания. Так, если сравнивать классификационные и неклассификационные системы, последние представляют собой скорее конструкции, использующие прямую перспективу.

По-видимому, суть дела в том, что понятия обратной и прямой перспективы, как и многие другие, давно ставшие привычными, — и прежде всего там, где речь идет об этнографических аспектах действительности, — поддаются анализу в терминах строгого научного подхода. Чем глубже мы вникаем в основы первобытной (базовой) культуры, тем чаще сталкиваемся с необходимостью использовать (на первых порах хотя бы в виде «архитектурных» деталей собственного фразеологического аппарата) понятия, по степени своей аб-

страктности, казалось бы, очень далекие от этнографии. Однако при более систематическом освоении этой малознакомой гуманитарной области *первобытная математика* становится обыденностью, т.е. тем, чем она и является для носителей традиционной (обыденной) культуры. Иначе говоря, понятия теории множеств, теории графов, топологии, проективной геометрии и другие позволяют объяснить, правильно *описать* многие вещи, точнее, ставить и решать многие задачи, которые не поддаются формулировке средствами объектного языка этнографии. Например, тезис Кассирера о полисемии как основном свойстве символа предполагает отсылку к идее открытого множества — основному понятию топологии.

Здесь было бы также уместно указать или во всяком случае напомнить, что теория этнических *периодов* Моргана, теория культурных *кругов* Гребнера или теория *функций* элементов культуры Малиновского, если ограничиться классическими примерами из теоретического мира этнографии, вероятно, еще не вполне осознанно обращаются к математическим понятиям, причем именно таким путем, что последние достаточно легко обнаруживают аналогичные образы в этнографической действительности любого уровня современности.

В рассматриваемом контексте фальсифицируемость системы высказываний, представленной в основной части нашей работы (в помощь скептикам!), заключается в положении, согласно которому данные высказывания имеют смысл только в том случае, если не имеет смысла утверждение о необходимости разделения «каллитативное — квантитативное знание», примерно соответствующее разделению «субъект — объект». Известно, что ни одна из существующих теорий не была создана методом обобщения. Настоящая теория всегда является результатом абстрагирования. В связи с этим та или иная теория может быть «непонятна». Поэтому — при первом ее восприятии — полезно ориентироваться на то, насколько целостной она выглядит с конвенциональной точки зрения, т.е. не противоречит ли она самой себе, является ли она элементом самой себя. Помимо конвенционального подхода (теоретического обоснования составляющих ее терминов и понятий) при проверке теории на ее соответствие реальности существует только один способ — повторение ряда экспериментов, результатом проведения которых выступает данная теория или, если быть полностью объективными, на проведение которых она претендует.